

Последний день пастыря

[w](#) 👁️ Последний день пастыря.docx

Галактика скрывает много тайн, но когда неопытный пилот терпит крушение на неизведанной планете, начинается самая

захватывающая глава его жизни. Едва успев включить автопилот, он спасает корабль от неминуемой гибели, но оказывается в сердце таинственных джунглей, полных неведомых существ и опасностей.

Каждый шаг по густым зарослям – испытание. Паукообразные обезьяны, крылатые создания и другие обитатели джунглей наблюдают за ним, скрываясь в тенях. Но это лишь начало его приключения. На его пути – племя туземцев, обряды которых непостижимы и пугающи.

Когда пастырь Джон Джонсон встречает аборигенов, он сталкивается с вызовом не только физической выносливости, но и веры. Жестокие обряды, странные напитки и искушения, против которых ему предстоит устоять, подвергают испытанию его духовные силы. Спасет ли его вера или он падет перед искушениями, которые скрыты в этих таинственных лесах?

Этот рассказ – погружение в мир, где грань между реальностью и видениями стирается, а каждый новый день несет все больше вопросов. Готовы ли вы следовать за пастырем в его путешествие? Сможет ли он сохранить свою душу или будет поглощен тьмой джунглей? Узнайте в этой захватывающей истории о выживании, вере и внутренней борьбе.

Небо прочертила бледно-красная полоска света, корабль падал. Неопытный пилот лихорадочно пытался совладать с пультом управления, активируя одну задачу за другой. В последнюю минуту ему удалось включить автопилот. Судно дернулось, выравнивая курс, и на всей скорости влетело в плотные заросли джунглей.

Люк с шипением отъехал в сторону, из внутренностей корабля выпал углепластиковый язык трапа. Пастырь оглянулся по сторонам. — Свет луны слабо мерцал, посылая клочки света сквозь брешь, проделанную кораблем в хитросплетении лиан. По всюду виднелись покрытые зелеными наростами стволы гигантских деревьев. Абсолютная тишина изредка прерывалась потрескиванием остывавшего корпуса машины. Он шумно вдохнул воздух, наполненный местными ароматами невиданных растений. И сделал первый шаг. Возможно, первый шаг разумного существа в этой части света.

Определив местоположения с помощью карманного компьютера, пастырь натянул защитный экзоскелет и вооружился плазменным мачете. «Долг завет», — убеждал себя служитель веры, пробираясь сквозь джунгли.

В кустах что-то зашевелилось, он уже привык к любопытным мордашкам паукообразных обезьян, шныряющим по верхним лианам, клетку крылатых созданий и неведомых ему обитателей тропического леса.

По мере продвижения, джунгли стали оживать, наполняясь новыми звуками. Кусты зашевелились в пяти метрах от него. Сердце дрогнуло. Пастырь машинально ощупал прикрепленный на поясе бластер. Он никогда не использовал подобное оружие, на нем стояла пломба, предохраняющая от случайного использования. Пломбу ставил сам патриарх.

Сорвать пломбу, означало нарушить святой обед — не использовать оружия для убийства живых существ. И лишь для спасения миссии пастырь мог применить сокрушитель, — мощный плазменный пистолет.

«Но если миссия еще не началась, можно ли считать, что она нуждается в спасении? Кто там, в кустах, абориген или зверь? Можно считать человеком того, кто не принял господа нашего — Спасителя? Кто за мной следит?!», — задавая себе эти вопросы, посланец продвигался по направлению к поселению, отмеченному на карте. Он еще несколько раз слышал шорох, раздававшийся из-за кустов, и стал понемногу к нему привыкать, больше не помышляя об использовании оружия. По мере продвижения пастырь видел на деревьях какие-то символы, похожие на тотемные знаки.

Взмахнув пару раз лазерным тесаком, он прорубил окно на поляну, расположившуюся на окраине джунглей. На противоположной стороне виднелись редкие заросли, в которых двигалось что-то грязновато-желтое. Путешественник понял, что вышел к реке, на берегу которой расположилось поселение аборигенов.

Местные заметили его первыми, собравшись в группу, дикари оцетинились копьями и стрелами. «Да они же голые», — подумал пастырь, глядя на местное племя. Если не считать набедренных повязок и тонких тряпиц, закрепленных крест на крест на груди женщин, местные жители расхаживали голышом. Маленькие дети, выглядывали из-за спин материй, тараща

большие водянистые глаза на пришельца. Дети постарше стояли в стороне, за большим бревном. Когда одна из женщин повернулась боком, пастырь увидел за ее спиной, вцепившегося в ткань младенца. «Вот зачем это тряпье, которое ничего не прикрывает», — подумал пастырь, разглядывая аборигенку. Пожилой дикарь отделился от толпы, и стал подпрыгивать, агрессивно тряся копьем. «Вожак», — решил пастырь, поднимая вверх руки ладонями вперед. Лазерный тесак он предусмотрительно убрал в ножны.

Универсальный жест чуть успокоил лидера племени, он все еще наставлял копье на чужака, но уже не строил гримасы и не тыкал им в сторону пастыря. Приняв это за хороший знак, пастырь стал приближаться к племени, не опуская рук.

— Я Джон Джонсон, — сказал священник, глядя в широко раскрытые бледно-голубые глаза старика.

— Ма, — ответил абориген.

— Я Джон Джонсон, — тыкая в себя правой рукой снова повторил гость, затем показал пальцем на местного, — ты Ма?!

— Ма, — подтвердил абориген.

— Как называетесь все вы? — медленно произнес посланец господина, будто это могло помочь дикарю лучше его понять. Пастырь обвел руками племя, взяв его в скобки из ладоней.

— Барранде-бобо, — ответил вождь.

— Барранде-бобо?! — какое странное самоназвание. Кажется, был такой астероид Барранд, названный в честь французского археолога. Постойте, Parlez-vous francais?

— Oui! — радостно завопил дед.

— Так значит путешественник назвал вас в свою честь, какой странный поступок и еще более странно, что вы выбрали для себя такое название, но почему «бобо», что это должно значить?

— Пастырь перешел на французский, который он когда-то учил и основательно подзабыл, поэтому долго и тщательно подбирал слова, пытаюсь эмитировать французский прононс.

— «Барранде-бобо» — первое, что сказал пришелец. Себя мы называем Nous, мы — народ. Он тыкал пальцем, как ты сейчас, он упал со скалы и сломал ногу, постоянно тыкал то на нас, то на ногу и повторял бобо. Барранде-бобо.

— Ясно, — улыбнулся пастырь, — вот еще одна загадка разрешилась.

Представляю, если бы кто-то другой их обнаружил и записал в свой дневник, что племя так называется. Вот бы смеху было, когда правда раскрылась.

— Я прибыл к вам из далеких земель, — Джон начал налаживать контакт, хотел начать с вами торговлю, у меня есть образцы.

— Идем со мной, — вождь махнул копьем в сторону группы людей, — на ногах плохой разговор.

Все мужчины расселись вокруг большого костра. Пастырь оказался по правую руку от вождя. Он старался смотреть на костер или пышный головной убор напоминающий тубетейку, набранную из ракушек, уложенных в несколько слоев. Срамное место дикари никак ни прикрывали, если не считать лианы,

которой они привязывали свое достоинство к телу, чтобы не болталось. За годы обучения в монастыре молодой пастырь отвык от нагой природы и очень смущался.

Оглядываться по сторонам он не стал, вокруг толпились женщины, дети и подростки, только матери с детьми имели какое-то подобие одежды, остальные были как Адам и Ева. После разведения огня и ритуального танца, у вождя в руке появилась миска, он первый отпил из нее и передал гостю. Отказываться было нельзя, пастырь даже постеснялся достать анализатор, чтобы проверить белую мутноватую жидкость на содержание вредных веществ. Пахло сивухой, по-видимому, это был перебродивший сок. Зажмурившись, пастырь выпил. В пойле явно присутствовал алкоголь, на вкус оно было очень кислым и напоминало мыло. Пастырь поморщился, но вспомнил о приличиях, заставил себя улыбнуться. И тотчас пожалел об этом.

«Лицедейство, обман, желание показать себя лучше, чем ты есть. Каким же я буду пастырем, если начинаю знакомство с этими глупыми и дикими людьми с обмана. Как я мог нести свет божий в это богом забытое место, если не смею сказать им правду, боясь обидеть. Может ли правда — слово господне, навредить? Безусловно может. Если скажу им, что это жуткая дрань, они обидятся и прогонят меня, дьявол соблазнит их душу. Может, дьявол руководит мной сейчас?», — размышлял пастырь, глядя в одну точку.

Голова слегка гудела и становилась ватной. «Да я захмелел. Что в этом отваре? Явно не только алкоголь. Мне кажется, я увидел... Что я увидел? Видение, галлюцинацию», — пастырь махнул головой, чтобы избавиться от наваждения.

— Замечательный напиток, — пробормотал Джон, — начнем торг, у меня есть ложка, хлеб, соя, маленькая турка для приготовления замечательного кофе, у вас есть кофе?

— Мы пьем это напиток во время особых церемоний. Благодарим тебя за твои дары.

— О, это не дары, я предлагаю торговлю, обмен, я вам. вы мне.

— Дары, ты дарит нам, мы дарить тебе.

«Должно быть местные обычаи запрещают торговлю и спекуляцию. Они обмениваются дарами, не рассчитывая на сиюминутную выгоду. Это угодно богу», — подумал священник.

— Я согласен на ваши дары.

— Oui! — воскликнул дед, выкрикивая слово на туземный манер. Ты получать одна жена, одна циновка, два горшка, трубку курить, большой мешок, много веревки, кокосы, мало-мало рыбы.

— Спа-спасибо, — с трудом выговорил пастырь, поперхнувшись. Жены не надо.

— Подарок, жена вождь брат. Хороший жена, крепкий бедра, немой рот, быстрые пальцы. Пришелец будет доволен.

— Нет, нет, я мне... Не позволяют мои обычаи, — пастырь мучительно подыскивал подходящи слова на чужом языке.

— Нет даров? Плохой торг, брать жена или не брать ничего! Твой дом — твой обычай. Мой дом — наш обычай, — вождь явно злился, подпрыгивая на своей циновке.

— Хорошо, я... Согласен! Да будем обмен дарами, — выдавливая из себя каждое слово сказал пастырь.

«Ничего не поделаешь. Со своими правилами в чужой монастырь не суйся. Что-нибудь придумаю. Даже если придется согрешить, этот грех будет во имя спасения заблудших душ», — размышлял пастырь, не обращая на суету дикарей.

Одни аборигенов прыгали вокруг костра, другие тащили дары, обещанные вождем, третьи внимательно рассматривали, трогали и облизывали предметы, которые пастырь выложил из своей сумки. Тем временем в руках вождя оказалась огромная миска с алкоголем. Он явно хотел завершить ритуал обмена дарами традиционным для многих народов совместным распитием. Пастырь мысленно застонал, предчувствуя тяжелое утреннее похмелье.

Страшная маска взмыла в воздух, ударная волна опрокинул пастыря на спину. Маска завывала, закружилась в вихре танца. В отсветах пламени черты маски исказились, глаза заиграли злыми бесовскими огнями, ощеренный острыми зубами рот, дьявольски хохотал. Пастыря схватили за ноги и за руки, стали раскачиваться. Нагие тела мелькали слева и с права, кружили слугителя бога в адском танце, перепрыгивали через костер и перебрасывали через него пастыря.

Он чувствовал жар пекла, острые языки пламени лизали его грудь, живот, чресла. Пастырь устыдился своих греховных помыслов и томления плоти. По всем канонам он должен был не убояться пламени, но не стремится к нему. Чем жарче ему

становилось, чем пламя было ближе, тем больше оно его влекло. С каждым движением его возбуждение росло. Контур черной маски сливалась с фоном темного неба так, что непонятно было, где начинается одно и заканчивается другое. Только алые краски обозначающие рот, глаза и щеки мелькали перед глазами, двигались вверх-вниз, слева на право и наоборот. У пастыря кружилась голова.

Адский жар охватило внутреннюю часть бедер. Сам Сатана явился к нему со страшной маской на голове и насадил его жалкое тело на свой красно-огненные вила. Хвост владыки ада обвился вокруг шеи священника, копыта били в исступлении ожидая скорой развязки.

“Отрекаешься от своего бога?”, — громом раздавался голос повелителя царства мертвых.

“Нет”, — хотел возопить пастырь, но слова не давались, словно рот его был запечатан теплым воском. Похоть пронзило все его тело, всеми частями тела и каждой живой клеткой организма он желал сладкого греха. Он чувствовал слабые электрические покалывания в кончиках пальцев рук и ног, тонкие волоски на теле встали дыбом.

“Греха, греха”, — простонал обезумевший от страсти пастырь.

“Отрекаешься от Господа своего?” - вновь спросил Дьявол.

“Отрекаюсь, отрекаюсь, пошел он к черту!” - выкрикнул пастырь.

“А-ха-ха, как слабы и не надежды твои посланники, Создатель. Их тело - их тюрьма, твои создания - жалкие пародия. Мы, ангелы и дьяволы, говорим тебе, отрекись, отрекись от них...”, — гремел своим зычным голосом ангел ада.

“Отрекаюсь”, — слабым голосом простонал пастырь.

Дикая головная боль заставила пастыря разлепить веки. Теплые лучи рассветного солнца уже начали проникать в хижину. За стенкой жилища кто-то шумел. Пастырь перевернулся набок, ощупал себя. Он был абсолютно наг. Священник попытался припомнить события прошедшей ночи, но не смог. У него было лишь смутное чувство, порожденное в нем ночным кошмаром. “Не надо было вчера столько пить”, — мелькнула в голове мысль и тут же исчезла, испугавшись другой. - “Я согрешил. Я грешен, и мне некому здесь исповедаться в грехах своих, некому покаяться, кроме как господу нашему бо...”, — внезапно всплыл образ Сатаны и обрывки сна, пастырь припомнил жар и свое отречение.

“Что же я наделал? Как низко я пал. Чертовы аборигены. В них живет сам сатана. Это они, они опоили меня, бросали через костер, вождь плясал в маске. Потом эта маска перешла женщине, а может это была другая маска? Она повела меня в хижину, раздела и... Боже, я согрешил! Снова! Но, что эти грехи в сравнении с моим главным грехом - отречением? Достоин ли я? Как же ошибся отец настоятель, выбрав меня для этой миссии. Я не только не справился, но и утратил веру. За один день!”, — мысли скакали и перепрыгивали одна другую, не желая улечься и выстроиться в логичную последовательность. Пастырь закусывал губу, обнимал себя за плечи, стучал босыми ногами по циновке.

Неожиданно в хижину вошла чернокожая нагая женщина, ее тонкий стан и маленькая треугольная грудь напомнил пастырю события прошедшей ночи.

Не испытывая и тени смущения, аборигенка с улыбкой сказала несколько слов на местном диалекте. Пастырь ничего не понял. Священник пытался прикрыть пах двумя руками, снова ощущая во всем теле возбуждения.

“Как они тут все голые ходят”, — промелькнула мысль в его голове. “Я должен их научить приличию, и прежде всего эту, наглую, беспардонную жену вождя. Кто я? Отрекшийся от ?”, — череда мыслей снова отвлекла его от реальности.

Женщина привлекла его внимание окриком и поманила рукой. Развернувшись, она направилась к выходу, соблазнительно покачивая бедрами.

Пастырь застонал.

Проведя несколько дней в обществе аборигенов, пастырь стал понемногу привыкать к местной культуре. Эти дикари знали толк в веселье, каждый день учиняя празднество. Несколько воинов племени время от времени уходили на охоту, женщины на поиски меда, ягод и трав для приготовления торжественного обеда. Алкогольный сок лился каждый день в миску вождя, которую тот разделял с гостем. Каждую ночь пастырь уединялся с прекрасной женой вождя в их хижине. Он перестал молиться, бриться, стесняться нагих тел аборигенов и стал привыкать к

своему телу. О боге он думал постоянно, но не так как это подобает священнослужителю. Он размышлял, почему Бог хочет, чтобы ему молились. Зачем он создал этих дикарей, которые не знают его и знать не хотят. Почему он позволяет существовать дьяволу, случаться войнам и болезням. Почему все, что приносит радость - грешно. Все, что ведет к боли и страданиям - угодно богу. И как узнать, действительно это так, если у Бога нельзя ничего спросить. Почему с одними он говорит, а с другими нет. “Почему”, — с этого слова начиналась каждая мысль и невольная молитва пастыря к Богу.

На пятый день вождь объявил, что желает пригласить пришельца на священный совет, но для этого тот должен очиститься. - Держать три дня пост. Ничего не есть, ничего ни пить, не ночевать под одной крышей с женщиной. Эти дни он должен провести, омывая свое тело в водах местной реки.

Пастырь был удивлен строгостью правил в этом веселом, как ему показалось, обществе. Еще больше его удивило совпадения в способах достижения ритуальной чистоты. “Не схоже и это действие с малым, великим и строгими постами? Значит...”, — что это значит и может ли войти Бог в сердце аборигенов, пастырь размышлял следующие три дня.

Голова адски болела, желудок урчал, в горле разверзлась пустыня. Аборигены наверняка добавляли в перебродивший сок галлюциногенные вещества, вызывающие эффект привыкания. Каждую ночь пастырь видел яркие сны, переплетаются с реальностью. С каждым разом они были все яснее, отчетливее, приятнее. Он ощущал синдром отмены, так называемую ломку. Болели плечи, спина, руки и ноги, все суставы, все кости, уши,

глаза, язык. Казалось, воспалилась сама кожа. Внутренние органы восстали против него. То и дело, пастыря выворачивало. Только проточная вода реки облегчала его страдания, он решил найти укромное уединенное место в тени деревьев. Свое укрытие пастырь покидал только для ночного сна. Сидя по грудь в воде, он мечтал напиться, испытывая танталовые муки. Он знал, что несмотря на кажущуюся уединенность, за ним наблюдают десятки любопытных глаз. Человеческая кожа впитывает влагу, организм умеет извлекать из клеток кожи влагу, не достаточную для восполнения водного баланса, но достаточную для продолжения жизни. Адский зной, мухи, жажда, голод, ломка сводили пастыря с ума. Он принял испытание, надеясь обрести прощение за свои грехи.

Пастырь в сопровождении двух юных девушек вошел в круг большого собрания. В малом кругу сидел вождь и другие мужчины, в большом - среднем кругу, женщины, в третьем дети и подростки. Пастырь шел медленно к кругу мужчин, чувствуя на себе любопытные аборигенов. Он прошел испытания и чувствовал внутреннюю чистоту. Ему показалось, что он улавливает периферическим зрением сияние вокруг своего тела. Эта мысль тут же сменялась чувством стыда. Он возгордился. логика подсказывала, что он может галлюцинировать из-за голода, жажды. Войдя в малый круг, плотно стоявших плечом к плечу мужчин, пастырь упал на колени и опустил голову. Силы покинули его. Он достиг цели, спасительная мысль, — достигнуть чистоты и попасть на собрание больше не спасала его от зова тела.

Вождь приблизился к пастырю, двое мужчин приподняли голову пастыря. Аккуратными движениями абориген влил жидкость в рот священника. Вначале пастырь подумал, что его снова будут поить одурманивающим соком, но это была совсем другая жидкость, тягучая и горькая. Он медленно стекала по языку в пищевод, наполняя тело теплом и силой. Чувство голода, жажды, боли в мышцах прошло и по телу разлилось приятно тепло, словно солнце ласковым весенним теплом согревало его тело изнутри.

Священнослужитель широко раскрыл глаза, вытер ладонью губы и поблагодарил вождя, который уже вернулся на свое почетное место в середину круга.

— Ты прошел испытания, задавай вопросы.

— Вы тоже его прошли? — спросил первое, что пришло на ум пастырь.

— Испытание для тех, кто не чист телом и душой. Нам нет надобности проходить его, мы живем в гармонии с собой и окружающим миром, ответил вождь с усмешкой.

— Вы правы, за эти дни... Я терял и находил себя, не в силах разобраться, кто я, во что верю, зачем пришел сюда, что делаю... Ваш напиток, сок. На вас он действует иначе.

— Не так сильно, как на тебя, он улучшает настроение и мы видим приятные сны, которые дарует нам это тело.

— Это собрание ради меня, вы хотите, чтобы я присоединился к вашему племени?

— Когда захочешь, мы можем помочь тебя понять себя и сущность этого мира, — без тени иронии произнес вождь.

— Вы... Стали говорить как-то иначе, — только сейчас пастырь понял, что разговаривает с вождем на родном языке. Абориген иначе строит фразы и четко выражает свои мысли, он не ведет себя как дикарь. Догадка об этих переменах поразила пастыря и испугала его. “Я пришел сюда с миссией цивилизовать их, но они не дикари. Это я дикарь, со своими глупыми, примитивными представлениями о...”

— Тебе что-то беспокоит?

— Что случилось с Барранде-бобо, — этот вопрос сам собой пришел Джону на ум. Пастырь удивился, почему он ни разу не спросил об этом раньше. После переговоров он хотел выяснить судьбу француза, но отведав местного пойла, напрочь забыл о судьбе путешественника.

— Он погиб, мы предлагали ему спастись, к сожалению, он отказался от нашей помощи. Когда мы наши его, уже было поздно. Мы слишком торопились, мы рассказали ему все и его психика не выдержала. С тобой мы решили поступить иначе. Ты провел с нами 7 дней и на восьмой мы готовы открыть тебе нашу тайну.

— Вы каннибалы?

— Нет, — засмеялся и замахал руками, — Чему учат в ваших университетах? Впрочем, вы лишь жалкая тень, живших за тысячелетия до вас и бродивших по джунглям иной планеты в поисках новой паствы.

История имеет свойство повторяться, иногда древние культы оживают спустя века и наполняются иными смыслами. Имя или имена богов, легенды, таинства меняются в угоду

представлениям о мире ныне живущим. Тебя не смущает наличие жизни на разных планетах, космический корабль. Ты путешествуешь по безмерному пространству среди звезд и не видишь своего бога. Ты мотылек, перелетающий с планеты на планету в поисках примитивных, как считает твоя Космическая Церковь, форм жизни. Даже не задумываешься, насколько реальность противоречит исповедуемое тобой религиозной концепции. Где твой ад, на Земле, Юпитере в созвездии Альфа Центавра? Где твой Рай — в стратосфере, гелиосфере или в параллельной реальности, скрытый струнами, пронизывающими вселенную? Что есть твой бог и зачем ему так много миров. Почему люди строят корабли, создают новые колонии, деградируют, забывают дом и свои обычаи, создают новый дом и живут согласно вновь созданным правилам.

— Вопросы порождают вопросы, философски ответил пастырь.
— Наша церковь стремится объединить все миры под одной крышей, чтобы благодать Господа распространилась на все мыслящие существа. То, что ты спрашиваешь неведомо мне. На некоторые из этих вопросов ответ могут дать только отцы патриархи, я лишь скромный слуга или был им, пока не попал в это странное место. Скажи мне, откуда ты так много знаешь о нас и мире?

— Тогда у тебя возникнуть новые вопросы, а патриархов тут нет, чтобы на них ответить, — вождю явно не понравился ответ священника. — Ты рассуждаешь о мыслящих существах, но сам отказывался мыслить, передавая эту функцию неведомым тебе людям, даже не людям, их должностям. Мы надеялись, твой разум очиститься от оков догматов и ты сможешь сам принять решения, не опираясь на тех, кто старше тебя или выше в социальной иерархии.

— Я... Очистился, но иногда тело и разум само делает то, что нам привычно. Я ответил, но эти слова не были моим ответом.

— Этот ответ вложили в тебя отцы церкви. Живые организмы запрограммированные стандартные реакции, таким образом тело и мозг сохраняют энергию, которая затрачивается на принятие решений. Ты хочешь освободиться от этих программ, от своего тела?

— Лишь время меня может освободить от того и другого. мое тело и жизнь принадлежит богу.

— Почему ты так думаешь?

— Он создал меня.

— Создав тебе новое тело, я стану твоим богом?

— Это невозможно, — улыбнулся пастырь, считая, что абориген вновь увлекает его в теологический спор.

— В твоём примитивном мире — нет. В моем возможно. Ты не готов, но мы попробуем.

— Мы, — вождь обвел руками все племя, — дети техномира. Тысячи лет назад мы были колонистами, осваивали новые миры, забирались все дальше и дальше от матери Земли, породившей нас.

Мы полагались на сплавы металлов, электронные системы, искусственный разум. Большинство миров было враждебно к нам, и мы выжигали их. Мы осушали океаны и выкорчевывали леса, срезали горы и засыпали ущелья, создавали холмы и превращали ровнины в воронки, уходящие глубоко вниз до ядра планеты.

Где бы мы не появились, мы строили города, фабрики, машины, облегчающие нашу жизнь. Мы жили под гнетом крыш, ходили по металлу и камню. Под километрами бетона, надежной защитой скафандров и машин, наши тела не ощущали тепла солнечного света. Наши глаза не видели красоту окружающего мира.

Мой народ отказался от глубокого изучения биологии, органической химии, исследования природы. Мы уничтожали все, что нам мешало и поворачивали реки вспять, если того желали. Все что нам мешало — было злом для нас. Общество технократов отказалось от физической близости и естественного размножения — эти процессы, мешали нам в том мире, который мы создали.

С каждым днем нам приходилось работать больше, что бы достичь технологического величия. Больше работы, — для нас означало больше данных и меньше времени на себя, свои маленькие радости, построение отношений. Чтобы быть эффективней, мы доверили принимать решение машинам. Они определяли, в какой момент развлечь нас шуткой, новой информацией, виртуальным сексом.

Колесо реальности вращалось все быстрее, сливая часы в дни, дни в недели, месяцы и годы. Три секунды отдыха и часы работы, минута общения с подобранным по тысячам параметров идеальным другом и часы работам. Машина знала, когда мотивация работать падала и выдавала нам новый эмоциональный пряник.

Мы могли поддерживать жизнь в наших телах до 150 лет и воссоздавать свои генетические копии в искусственных утробах. Но нам было мало. Жизнь была слишком коротка. Тогда мы создали биомеханические суррогаты наших тех. Они не уставали

и им не требовалась лечение, только ремонт, которым занимались наноботы во время диагностического сна. Новые идеальные тела не уставали, могли работать сутки на пролет и не требовали тщательного ухода. Мы могли стать мужчиной, женщиной, изменить рост, вес, цвет глаз, кожи, волос. И, главное, жить вечно. С начало мы помещали свой разум в “коробку”. Но быстро поняли, что сурр может упасть в пропасть, улететь в далекий космос, расплавиться при пожаре. Мы отделили себя — свой разум, от носителя — тела.

То что ты видишь — оболочка сурра. Наш разум находится далеко от сюда в подземном бункере.

— Значит вы... Но постойте, почему вы здесь и где мир, который вы описываете.

— Он исчез, достигнув технического бессмертия мы отказались от технической гонки с другими колониями и Метрополией. В этом больше не было смысла. Раньше мы торопились успеть прожить свою жизнь не напрасно. Сделать что-то великое, совершить открытие или технический прорыв, работали не жалея своего тела и чувств. Теперь нам некуда торопиться. Нам ни надо никуда успевать, мы живем вечность. Нам нестрашна смерть. Больше не нужно доказывать другим, что мы чего-то стоим. Дальнейший прогресс ничего не сможет нам дать, какой в нем смысл?

Мы нашли незаселенную разумными формами жизни планету и поселились на ней. Свои лаборатории и фабрики мы спрятали под ее поверхность. Тысячи поколений тысячелетиями отказывали себе в наслаждении жить в гармонии с природой. Мы больше не изучаем и не строим, мы наслаждаемся каждым мгновением своего бытия.

— Но ведь ваши тела не настоящие?

— Что есть настоящие? Твое тело настоящие? Почему? От того, что оно родилось от матери, — это его делает подлинным? Рождение в утробе с биологической точки зрения не отличается от живорождения. И почему способ рождения должен свидетельствовать о подлинности? Если два внешне одинаковых объекта одновременно создали два разных мастера, какой из них подлинный?

Процесс создания наших тел по образу и подобию, не отличаются по сути от легендарного Адама. Мы видим, мы дышим, мы чувствуем ветер на своей коже и ищем босыми ногами, как трава щекает кожу. Когда ты касался моей жены, разве заподозрил ты, что тело ее суррогат?

— Нет, но разве... Я запутался. Вы сами называете свои тела суррогатами, то есть подобными.

— Мы не вкладываем в это слово тот же смысл, что и ты. Суррогат — для нас лучше, чем образец, с которого мы делали копии. Но кто сказал, что мастер-Бог не делала копию с другого образца. Кто сказал, что его творение идеально. Возможно он был плохим мастером или поделка не удалось. Твое тело хрупкое, смертное, страдающее от физической и душевной боли. Муха, зной или ядовитая лягушка причиняют ему муки. Даже слегка не свежая пища принесет боль и тяжесть твоему желудку.

— Возможно, Бог хотел, чтобы мы страдали?

— Ты хочешь, чтобы твоё творение страдало?

— Нет, но... Ради искупления.

— Искупления чего, греха? Что есть грех? — Правило, которое ты нарушаешь своим существованием. Свод правил создан так, чтобы их нельзя было не нарушить. Страдания входят в обязательную программу. Или Богу нравится мучить свои

игрушку, или его творение — ошибка. Возможно, бога просто нет в том понимании, которое исповедуешь ты. Мы — сами себе боги, мы создали десятки тысяч богов, придумали их миры и сочинили их жизнь. Мы описали их так ярко и красочно, что они зажили своей мифической жизнью. Мы создали машины и дали им искусственный разум. Мы создатели совершенные тела по образу своему и сами себе стали создателями.

— Это богохульство, — выкрикнул пастырь.

— Недооценивать себя — вот настоящее богохульство.

Если хочешь, мы покажем тебе наши лаборатории. К сожалению, энтропия не щадит их. Последний ребенок из искусственной утробы появился 1000 лет назад. С тех пор мы утратили часть знаний и технологий. Несколько землетрясений и техногенных аварий повредили оборудование, без заводов мы не можем его восстановить. За эту 1000 мы передумали все мысли и обсудили всю информацию, что нам была доступна. Мы усмирили свой мятежный разум и живем в гармонии с собой и природой, делая только то, что приносит удовольствие.

— Почему вы хотите, чтобы я присоединился к вам?

— Иногда нам бывает скучно. Ты будешь свежей кровью, твои знания, суждения, мысли станут доступны всем нам. Мы разделим их с тобой. Возможно, в твоей голове найдется что-то, что поможет восстановить часть оборудования. Если нет, мы будем ждать следующего.

— Расскажите подробнее, что случилось с французом?

— пастырь заерзал на циновке, он чувствовал, что этот вопрос не приятен вождю и может повлиять на его решение. Его мысли лихорадочно сменяли одна другую. В один миг ему хотелось

бежать на корабль, в другой остаться в раю, обрести бессмертие, жить в гармонии с собой и миром.

— Мы нашли его в горах, вероятно он в одиночку исследовал планету, — безумная затея. Насколько мы поняли, Барранде искал остатки древнего метеорита в поисках подтверждения своей новой теории. Мы предложили помощь, поведали ему о наших телах и их возможностях. С нашим телом не могла случиться такая неприятность. Мы предложили ему помощь. Перенесли в лагерь и несколько дней лечили, когда ему стало лучше, он сбежал от нас в джунгли. Мы искали его несколько дней. Спустя месяц мая первая жена нашла его. Его мозг был в плохом состоянии и мы не смогли спасти его.

— Почему он сбежал, думал, вы его убьете?

— Вероятно. Возможно мы застали его в не лучшей психической форме.

— А что будет со мной, вы лишите меня тела или дадите улететь?

— Ты сам принимаешь решения, можешь остаться и жить среди нас в своем теле, при одном условии, кто-то должен быть постоянно рядом с тобой, чтобы мы могли вовремя извлечь твой мозг из тела в случа несчастного случая. Ты сам определишь день и час, когда это должно случиться.

— Значит, последний день пастыря могу выбрать я сам?! Это заманчивое предложение, не зря дьявол пришел в мой первый сон на этой планете. Вы сулите мне бессмертие в иной телесной оболочке и обещаете гармонию с природой словно в райских кущах. В чем подвох... Вы сказали о разделении мои мыслей и чувств, что это значит?

— Каждый сможет услышать твою мысль, каждый может воспользоваться имеющейся в твоей памяти информацией,

каждый может почувствовать все то, что чувствуешь ты. Должен признать я никогда не испытывал со своей женой таких чувств. Мы все были тобой, мы все были ей, мы все совокуплялись друг с другом, разделяя восторг наслаждения. Ты подарил нам новые чувства, ощущения и воспоминания, мы благодарны тебе за это и хотим принять в свой круг.

— Это же грех, извращение, содомия! — воскликнул пастырь, вскакивая на ноги, — вы все, все вы? А как же дети и женщины и все эти мужчины? Они б-были там, в ту и другие ночи?

— Самому юному из нас больше тысячи лет, здесь нет детей, мы давно перестали быть мужчинами и женщинами. Иногда мы меняемся суррами, я стану быть мальчишкой или мамой с ребенком, когда мне надоест быть вождем, возможна я стану стариком или юной красавицей, возможно и то.ю и другое вмести, моя нижняя половина...

— Прекрати, остановись, больше не слова! Вы, все вы — пастырь обвел рукой три круга, — исчадья ада, дети сатаны, вы утратили людское подобие не снаружи, но внутри себя.

— Вы называете это единение с богом, разве нет? Наши помыслы и чувства будут едины. Вмести с тем, мы уважаем индивидуальность. Если захочешь, ты можешь не делиться с нами своими чувствами. Мы придерживаемся некоторых правил и обычно просим разрешения. В твоем случае было не так, потому что... Любопытство взяло верх над правилами. Мы просим прощения за то что наблюдали за тобой без твоего согласия. Мы не могли рассказать тебе сразу. Ты сам понимаешь почему, это не просто принятью. Касательно твоей памяти, она станет общим достоянием, как моя тебе. Ты будешь иметь доступ только к той части информации, которая тебе нужна в данный

момент. В наши разумы связаны единой сетью, за ее работой которой следит искусственный интеллект.

— Значит вы предлагаете мне передать свои чувства и эмоции машинам, чтобы оживить их, подпитать интерес к жизни и удовлетворить ваше любопытство?

— Если хочешь, можешь так это воспринимать. Мы даем тебе, больше, чем берем. Мы дарим вечность в обмен на последний день в качестве пастыря, человека, который все равно когда-то случится.

Подумай, ты выбираешь наслаждения, радость, гармонию на протяжении тысячелетий или боль, старость, страдания и вечный сон разума?

Пастырь ничего не ответил, лишь мотнув головой, сел на свое прежнее место.

